

Г. И. Муромцев¹ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ЭКОНОМИКА
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Заявленная тема столь же актуальна, сколь и сложна в силу своей чрезвычайной широты и многоаспектности. Ее можно исследовать с различных позиций: с точки зрения всемирно-исторического процесса, в рамках отдельных эпох или культур, социально-экономических и правовых систем, рассматривая те и другие как «в целом», так и сквозь призму отдельных секторов, отраслей и т. д.

Весьма важен вопрос о механизме взаимодействия права и экономики: что здесь первично, что вторично; взаимодействуют ли право и экономика непосредственно либо через некие промежуточные звенья (политику, общественное сознание и т. д.); насколько устойчив механизм их взаимодействия и взаимовлияния, универсален ли он в истории либо изменяется от эпохи к эпохе и от культуры к культуре; наконец, какую роль здесь играет взаимовлияние культур и эпох: всегда ли определяющими в развитии права и экономики являются внутригосударственные (национальные) факторы развития либо в известных условиях это может быть влияние извне и т. д.

Перечисленные вопросы свидетельствуют о широте и многоаспектности проблемы, а также о многообразии возможных подходов к ее исследованию. Поэтому в рамках отведенного времени возможно лишь фрагментарное ее рассмотрение.

Важность методологии исследования проблемы попытаемся показать на примере марксизма, который, пожалуй, наиболее последовательно проводил связь между государством, правом и экономикой. И хотя в советское время теория марксизма признавалась «единственно верной», «подлинно научной» и т. д., сегодня в условиях плюрализма мнений мы видим здесь немало изъянов на почве догматизма и односторонности подхода. С точки зрения марксизма во всяком обществе совокупность производственных отношений составляет его экономический базис, тогда как государство, право, формы общественного сознания — политическую и правовую надстройку. При этом экономический базис первичен по отношению к государству и праву. Исходя из данной конструкции, строилась теория общественно-экономических формаций и на ее основе — типология государства и права.

На основе понятия формации, или способа производства, определялись формы собственности на орудия и средства производства, а также социальный класс, господствующий при данном способе производства. Государство и право выступают при этом орудием (сред-

ством, инструментом) выражения и защиты интересов господствующего класса.

Исторический тип государства и права определяется характером общественно-экономической формации. Поэтому число исторических типов государства и права адекватно количеству классовых общественно-экономических формаций. Противоречия в способе производства через классовую борьбу обуславливают общественный прогресс. Они же приводят к революциям и смене общественно-экономической формации, а также государства и права соответствующего типа. Развитие общества состоит в последовательной смене общественно-экономических формаций — рабовладения, феодализма, капитализма и социализма как первой фазы коммунизма.

Такова в общих чертах схема. Попытаемся сквозь призму данной темы хотя бы кратко показать издержки такого подхода — как очевидные, так и обусловленные появлением новых знаний.

Начнем с вопроса о происхождении права и государства. С точки зрения марксизма они возникают одновременно в силу экономических причин (появления частной собственности, раскола общества на классы и т. д.)². При этом с помощью права и государства экономически господствующий класс становится господствующим политически. Такой подход порождает ряд методологически важных выводов:

1) одновременность возникновения права и государства обуславливает вторичность первого по отношению ко второму (право — продукт государственной воли);

2) это, в свою очередь, ведет к отождествлению права и закона, что само по себе делает невозможным создание правового государства (последнее не может связать себя правом, которое оно же и создало). Здесь возможно лишь полицейское государство;

3) обычай, который, по признанию Ф. Энгельса, исторически сложился в сфере производства, обмена и распределения товаров, становится правом лишь после санкции государства. Следовательно, основой такого права является по сути лишь интерес экономически господствующего класса. И хотя марксизм признает возможность выражения в праве в том числе и общественного интереса, при таком понимании реализация права возможна прежде всего благодаря принуждению со стороны государства.

Вместе с тем современная наука признает возможность возникновения права на догосударственной стадии истории. В контексте данной темы такой подход требует объяснения ряда существенных вопросов. Так, если социальные нормы догосударственной эпохи можно считать правом, то в силу каких причин? Обусловлено ли их становление и развитие экономическими факторами?

² См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1989.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук. Автор книг: «Конституции арабских государств», «Мусульманское право (структура и основные институты)», «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции», «Конституционное право развивающихся стран», «Теория государства и права», «Право и политика современной России» и др.

Ответ на первый вопрос предполагает выяснение специфики правовопонимания в случае «догосударственного» происхождения права. Здесь оно не продукт верховной власти государства, а всеобщая связь людей, призванная обеспечить их выживание и воспроизводство в рамках традиционных общностей¹. Такое понимание права могло сложиться лишь в условиях:

1) синкретизма, то есть слияния права с религией, моралью, мифологией и т. д.;

2) неисторического видения мира, в силу которого право воспринималось как несотворимое (возникшее само собой), вечное и неизменное;

3) необходимости обеспечения биологических (выживание) и социальных (через статус) потребностей традиционной общности и человека как ее члена. Речь идет о таких жизненно важных категориях, как брак, семья, наследование, собственность, безопасность и т. д. Они составят в будущем сферу частного права, то есть прежде всего экономическую.

Обязательность этого права вытекала из его слитности с неким справедливым мировым порядком, существовавшим всегда и основанным на воле богов и предков. Поэтому, например, гарантией осуществления договора, заключенного с соблюдением установленной процедуры (ритуал, свидетели и т. д.), была лишь добрая совесть его участников (принцип доброй совести). Считалось, что обязательства участников договора брались перед богами. Неисполнение договора расценивалось как нарушение божественной клятвы и влекло суровое наказание.

Личный характер этого права, слитного с религией, обусловил его действие лишь во внутриобщинных отношениях. За рамками общины оно переставало действовать. Неудивительно, что в варварском и раннеклассовом обществах процветали разбой, грабеж и насилие. Формировавшаяся в то время правовая психология была адекватна такой ситуации. Дело в том, что если человек вырос в обществе, основой которого когда-то тысячами была присваивающая экономика, то он не привык к повседневному напряженному труду, а предпочитал разбой и набеги на соседей. Поэтому такие нападения, захват чужого имущества считались вполне благородным делом².

Не эта ли психология лежит в основе столь распространенных в эпоху древности и Средневековья набегов кочевых народов на оседлые? Примеров тому огромное количество: арабские завоевания периода становления ислама (VII в.), завоевание Западной Римской империи германцами в 476 году, татаро-монгольское иго на Руси в XIII–XV веках и т. д.

Часто в роли завоевателей выступали народы, менее развитые в социально-экономическом и государственно-правовом смысле, чем их жертвы. Поэтому неудивительно, что результатом завоевания подчас становилось восприятие уже готовой государственности (германцы), более высокой правовой культуры завоеванных народов (арабы) и т. д. Оседлые народы на данной стадии развития (например

викинги) демонстрируют ту же агрессивную модель поведения³.

Марксистская концепция общественно-экономических формаций исходила из того, что стержнем исторического развития являются внутренние противоречия в обществе — прежде всего между производительными силами и производственными отношениями. Внешние факторы оказывались как бы за скобками. Между тем история свидетельствует, что подчас именно они оказываются решающими в развитии стран и народов на той или иной стадии. Обычно это объясняется неравномерностью исторического развития стран и регионов, когда одни выходят вперед, другие отстают. Такая ситуация порождает взаимовлияние культур — как передовых на отсталые, так и наоборот. К примеру, рецепция римского права в странах Западной Европы (через много веков после падения Римской империи) была обусловлена прежде всего экономическими причинами: развивавшиеся в городах экономические отношения требовали новой правовой формы, на роль которой как нельзя лучше подходило филигранное по технике римское право.

В России, которую тоже относят к семье романо-германского права, дело обстоит иначе. Если в странах Западной Европы рецепция римского права началась «снизу», без участия государства, в целях регулирования прежде всего отношений собственности (то есть сферы частного права), то в России при Петре I это делалось «сверху» с целью построения государственного аппарата и армии по европейскому образцу. Предметом восприятия здесь были нормы публичного права. Общество было к этому индифферентно. Рецепция состояла в прямом заимствовании иностранных (шведских, датских и пр.) законодательных актов путем их перевода и официального принятия. В Европе римское право называли «писаным разумом». В России его авторитет был намного ниже.

Особое место в данной теме занимает вопрос о российской кодификации гражданского права. Принято считать, что не удавшаяся попытка М. М. Сперанского создать Гражданское уложение в России по французскому образцу в начале XIX века объясняется антифранцузскими настроениями в российском обществе после Отечественной войны 1912 года, которые поддерживал и царь. Не отрицая этого, мы тем не менее считаем более существенной иную причину: социально-экономическую и культурную неготовность России к такой кодификации. Буржуазная по своей природе, она отторгалась феодально-крепостнической структурой российского общества, не знавшего ни принципа равенства всех перед законом, ни единого экономического пространства. По этой же причине Комиссия по подготовке Гражданского кодекса, созданная в 1882 году, так и не смогла подготовить его проекта вплоть до 1917 года⁴.

Во всех странах гражданский кодекс был стержневым актом частного права. В этом смысле советские гражданские кодексы были нонсенсом, поскольку

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // А. Я. Гуревич. Избранные труды : в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 153–163.

² Гуревич А. Я. Викинги // Гуревич А. Я. Избранные труды, в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 123–125.

³ Гуревич А. Я. Викинги.

⁴ Муромцев Г. И. О культурно-исторической специфике российских кодификаций // Кодификация: теория, практика, техника / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2008.

закрепляли огосударствление и обобществление собственности. Недаром в советской юридической литературе высказывалось мнение о целесообразности замены гражданского права хозяйственным как комплексной отраслью права.

Распространение на сферу имущественных отношений публично-правовых (точнее, командных) методов правового регулирования обусловило изгнание из этой сферы категории интереса. В этих условиях советская хозяйственная система не имела стимулов к саморазвитию, что предопределило ее неминуемый крах. Характерен в этой связи комментарий французского компаративиста Рене Давида по поводу ленинского тезиса о непризнании в области хозяйствования в СССР ничего частногоправового. По мнению французского ученого, такое высказывание дает основание усомниться в профессионализме Ленина как юриста¹.

Неудивительно, что первый в истории России Гражданский кодекс был принят путем рецепции лишь в 1990-х годах, уже после распада СССР.

Пример кодификации, которая не соответствует социально-экономическим условиям в обществе, — Конституция РФ 1993 года. Ее содержание по сути полностью воспринято из конституций развитых стран Европы и Северной Америки. Если учесть, что воспри-

нятые положения преломлялись в условиях страны, которая лишь начинала (хотя и второй раз в истории) движение к капитализму, то их фиктивность была предопределена. Это положения о России как демократическом, правовом, социальном государстве, о высшей ценности прав человека (ст. 1, 2, 7) и т. д. Авторы Конституции не учли необходимости переходного периода от социализма к капитализму. Как известно, у большевиков переход к социализму занял почти 20 лет. В этих условиях более приемлемыми видятся два других варианта. Первый связан с принятием временной конституции. Такие конституции неоднократно принимались в прошлом веке в ряде развивающихся стран. Обычно они включали программные положения и закрепляли структуру власти. Раздел о правах человека либо был ограниченным, либо отсутствовал.

Другой вариант предполагает включение в структуру постоянной конституции раздела «Основные принципы политики государства». Такой раздел есть в Конституции Индии 1950 года. В нем речь идет об обеспечении социальной справедливости, недопущении чрезмерной концентрации богатства в одних руках и т. д. Нормы этого раздела не применяются в судах, но являются ориентиром в процессе законотворчества.

¹ International encyclopedia of comparative law. Vol. 3 : Sources of law / ed. by D. Rene. Tübingen, 1983.

² Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в.», «Право России как интеграционное пространство»; учебно-методических пособий: «Российский суд присяжных», «Программы клинического юридического обучения» (вып. 1–5) и др.